

Развивая лучшие практики

В рамках XXVI международного финансового конгресса Банка России «Финансы для развития», состоявшегося в Санкт-Петербурге, прошло обсуждение роли саморегулирования

Участники круглого стола «Роль саморегулирования на финансовом рынке», модератором которого выступил президент НАУФОР Алексей Тимофеев, обсудили принципы построения надзора и разделения полномочий между СРО и регулятором, роль мотивированного суждения, борьбу с сомнительными практиками на финансовом рынке и с нелегальными участниками рынка.

Участники: Василий Заблоцкий (Национальная финансовая ассоциация); Иван Козлов (ЦБ РФ); Алексей Охлопков (Ханты-Мансийский негосударственный пенсионный фонд); Лариса Селютина (ЦБ РФ); Александр Соломкин (Ассоциация «СРО кредитных потребительских кооперативов»); Игорь Юргенс (Всероссийский союз страховщиков).

Алексей Тимофеев. С момента вступления в силу закона о саморегулировании прошло всего полтора года. В настоящее время завершается первый этап этой реформы — институционализация СРО. Те из них, которые были вправе претендовать на этот статус, стали полноценными саморегулируемыми организациями. Не только лоббистскими или консультативными центрами, не только администраторами этических кодексов, — а полноценными регуляторами, которые могут делать свои требова-

ния обязательными для своих членов, в чьих руках оказался второй «ключ» от входа на финансовый рынок.

Это большой вызов для существующих СРО. Процесс институционализации более-менее завершен, начался этап разработки нормативных актов саморегулируемыми организациями. Я бы предложил высказаться Ларисе Константиновне. И спросить ее — как участника процесса разработки законодательства и формирования представления о СРО — соответствует ли процесс институционализации ожиданиям; в чем состоит роль СРО и ЦБ РФ, каково соотношение этих ролей и как идет процесс стандартизации.

Лариса Селютина. Тема СРО захватывает сотрудников регулятора все больше, я глубоко погружена в эту тему, так как в моем департаменте ведется большая работа по разработке базовых стандартов.

Если говорить о взаимоотношениях регулятора и СРО. Я нашла интересную дефиницию в ключевом документе ИОСКО, где саморегулирование определяется как «ценное дополнение финансового регулятора» в достижении цели регулирования рынка. В чем преимущество саморегулируемых организаций перед государственным регулятором? СРО могут требовать соблюдения стандартного осуществления и предпринимательской деятельности, а также и этических стандартов, которые выходят за рамки госрегулирования. У них больше возможности для этого. Если говорить о процессах предоставления информации, то саморегулируемые организации могут

обладать значительными знаниями с точки зрения рыночной практики, могут быстрее и гибче реагировать на изменение рыночной ситуации. Причем эта инфраструктура полностью финансируется участниками, а не налогоплательщиками. Поэтому и ЦБ склонен расценивать СРО как дополнение к собственным регуляторно-надзорным функциям, но не как их подмену.

Какой идеальной модели саморегулирования могли бы, в нашем представлении, соответствовать взаимоотношения между Банком России и СРО? Банк России устанавливает основные требования к деятельности и при необходимости вводит определенные ограни-

чения, а также проверяет соблюдение этих требований. Преследуя те же цели, СРО, на наш взгляд, должны задавать стандарты добросовестного поведения на рынке, а также этические, технические и деловые стандарты деятельности. Как и Банк России, СРО должна проверять у своих членов выполнение этих требований.

Таким образом Банк России и СРО, гармонично сочетая нормативные правила и правила добросовестного этического поведения, должны совместно достигать общих целей в развитии финансового рынка. В этом смысле ЦБ не то чтобы готов доверить СРО устанавливать правила поведения, он даже готов

настаивать на этом, всячески содействовать этим процессам.

Мы считаем, что закон о СРО, принятый в 2015 году, дал зеленый свет развитию именно этих отношений. Но на сегодняшний момент, пока идет период становления этих отношений, характерной чертой саморегулирования, на мой взгляд, остается доминирование представительских функций в продвижении интересов соответствующей финансовой отрасли. Это объясняется тем, что идет время бурного развития регулирования — и быстрота наших реформ выработывает обратную реакцию отрасли, заставляя ее энергично отстаивать свои интересы через СРО.

Члены саморегулируемых организаций претендуют на то, чтоб СРО активно доводили до регулятора проблемы, которые возникают у профучастников в зоне регулирования. И действительно, СРО сейчас ориентированы на коммерческие интересы, и пока что в меньшей степени озабочены тем, чтоб устанавливать лучшие практики поведения. Я подчеркиваю, что на данном этапе такое положение объяснимо и понятно. Мы только приступили к описанной работе.

На примере работы над базовыми стандартами я вижу, что представители СРО больше внимания уделяют толкованию норм законодательства, восполнению существующих пробелов, нежели этическим или техническим вопросам осуществления. Сейчас базовые стандарты приобретают форму договора финансовой отрасли с регулятором о единообразном понимании, толковании и применении норм.

На первом этапе мы с пониманием относимся к этому, понимаем объективную потребность установления и уточнения правил применения. Однако в будущем мы видим роль базовых стандартов совершенно другой. Они должны формулировать те универсальные принципы поведения, на которых формируются отношения к деловой практике как к добросовестной или недобросовестной.

Портфель негативных практик

Лариса Селюткина. На сегодня могу сказать, что в рамках нашей надзорной деятельности мы выявили целый пакет (можно сказать, «портфель практик»), к которым у Банка России сложилось устойчиво негативное отношение. И регулятор планирует, что вместе с СРО и участниками рынка начнет бороться с этими недобросовестными практиками.

Оной из таких практик является практика скрытых комиссий при исполнении поручений клиента с внебиржевыми финансовыми инструментами. Профессиональные участники, пользуясь тем, что у клиентов нет информации о действительных ценах на внебиржевом рынке, исполняют поручения клиентов по цене лучшей, чем указана в поручении. Но при этом выгоду от такого исполнения профучастники присваивают себе, не раскрыв клиенту информации о стоимости сделки. В США такая практика признана негативной. Мало того, FINFA подошла к проблеме еще более жестко, чем регулятор, — и установила обязанность брокеров/дилеров на рынке акций раскрывать розничным инвесторам размеры всех скрытых комиссий; а также ограничила размеры таких комиссий.

От наших СРО мы тоже ожидаем в будущем выработки подходов к этим вопросам.

Мы также видим определенные негативные практики при использовании имущества клиентов в интересах брокеров на основании так называемых условных многократных поручений. Само по себе использование этих поручений не является негативным, если клиент дал на это брокеру право. Условное многократное получение не вызывает нареканий, если оно используется для целей закрытия позиций клиента или при нарушении маржинальных требований. Но регулятор видит, что все больше эти поручения используются для обо-

гащения брокера. При этом риск невозврата имущества лежит на клиенте. Эту практику мы тоже считаем негативной и должны выработать подходы, чтобы определить четкие правила — где нельзя переступить черту.

Еще одна практика, достаточно распространенная на рынке — это управление активами на основании доверенности, а не лицензии. В данной ситуации идет сокрытие истинных правовых отношений между клиентом и посредником; риски клиента в разы возрастают.

Хочется надеяться, что все-таки СРО будут признавать названные практики негативными и порочащими репутацию бизнеса. В противном случае у нас сложится такая практика, что и регулятор, и суды перестанут принимать в расчет подписи в договоре как доказательство волеизъявления сторон. Мы уже сталкиваемся с такой судебной практикой, и не хочется, чтобы она проникла и на наш рынок.

Заканчивая выступление, хочу сказать, что выражая такую позицию, регулятор не подвергает сомнению честность и порядочность как СРО, так и профучастников. Мы понимаем, что многие практики появились вследствие правовых проблем и пробелов в законодательстве, прежде иногда просто невозможно было строить бизнес по-другому. Но такое положение дел как раз и является поводом для нашего совместного сотрудничества в поиске правовых решений.

Алексей Тимофеев. Спасибо, первый опыт разработки базовых стандартов и говорит о том, что у них — двойственная роль. Для чего были придуманы базовые стандарты — для того, чтобы исключить регуляторный арбитраж, который в противном случае мог бы случиться для компаний, являющихся членами разных СРО. Сейчас я вижу, что у базовых стандартов появляется другая цель, и это результат совместного нормотворчества Центрального банка и

СРО. Когда НАУФОР как саморегулируемой организации не удастся справиться с конфликтом интересов, потому что некоторые практики нам не дали бы исправить наши члены, то мы это можем сделать на уровне базовых стандартов.

Именно такого рода дискуссия сейчас идет в рамках обсуждения стандартов по брокерской деятельности — в части «длящихся» поручений. Мы полностью поддерживаем усилия регулятора и тоже считаем эту практику негативной. Но она является настолько общепринятой, что резко ее менять нельзя.

Игорь Юргенс. С саморегулированием мы во многом забежали вперед, — при том, что ни рынок еще всех своих моральных устоев не отработал, ни государство еще до конца не понимает, что надо делать, чтобы развивать отрасль, защищать потребителя, и в то же время давать людям зарабатывать.

Если саморегулируемые организации в каждой отрасли будут защищать своих, защищая их от регулятора, но в то же время и понимать ЦБ, наступая на своих; если СРО будут управлять этим процессом, то саморегулирование будет развиваться. Если мы не будем этим управлять, то рынок создаст другие организации, — вернется в ассоциации, союзы, которые будут просто бороться с ЦБ за свои права. В целом опыт накоплен.

Лариса Селютина. Есть определенные этические правила поведения, которые нельзя выявить, исходя из норм поведения, а которые нужно обсуждать; и далее выработать лучшие практики, как к этому относиться.

Алексей Тимофеев. Дискуссия неизбежно приведет к кросс-секторальным решениям. Некоторые решения — например, по комиссиям — НАУФОР не может принять до того, пока соответствующие решения не будут также приняты в смежных индустриях. Например, так дело обстоит с инвестиционным страхованием жизни, которое по сути является структурным продуктом. Значит, требуется общий подход к

структурным продуктам — и с нашей стороны, и со стороны страховщиков. И если в поисках консенсуса не поможет Центральный банк, нам будет очень тяжело договориться.

Хочу также сказать, что у нас сильная мотивация для нормотворчества. В большинстве случаев СРО могут сами сформировать добросовестные практики и найти консенсус внутри индустрии. Индустрия сама заинтересована в формировании наилучшей практики, чтобы все ее участники подчинялись единым, добросовестным правилам игры.

Александр Соломкин. В сферу кредитной кооперации саморегулирование пришло в 2009 году (по 315 ФЗ). Новое законодательство о СРО — это закон о саморегулировании в развитии. Базовые стандарты — это была новация, которая в значительной степени устранила противоречия, которые ранее имели место среди других участников рынка. Это уникальный инструмент, когда сами участники рынка вырабатывают правила добросовестного поведения, фиксируют их, согласуют между собой и с ЦБ. Безусловно, помимо этого формата, у участников рынка есть свой интерес, а у регулятора — свой. Банк России определил требования к разработке базовых стандартов по каждой категории посредников. Сейчас на согласовании в Банке России находится наш документ: описание того, как в СРО кредитных потребительских кооперативов считают наш основной стандарт — Стандарт совершения операций на финансовом рынке. Будет также [разработан] стандарт защиты прав потребителя, стандарт корпоративного управления и стандарт управления рисками в кредитно-потребительских кооперативах.

Став мегарегулятором, Банк России объединил под своим регулированием очень разные по структуре, объему, идеологии рынка — к ним невозможно применить одно требование. Рынок кредитной кооперации практически на 50%

состоит из организаций, которые объединяют менее 200 пайщиков и в которых работают два сотрудника. Понятно, что значительное регулирование приведет к тому, что этот рынок прекратится как таковой, поскольку не выдержит регуляторной нагрузки.

Алексей Тимофеев. А что именно вас беспокоит? Вы заговорили о цене регулирования для вашей индустрии, сказали, что не вся индустрия справится с существованием двух регуляторов. Я, кстати, отмечу, что здесь не могло быть иначе. В основном законе о СРО [не для финансовых организаций] речь шла скорее о дерегулировании, у нас — о регулировании во главе с ЦБ и СРО на следующей ступеньке. Вас беспокоит цена, которую придется заплатить? Есть сомнения, что ваша индустрия справится с ценой функционирования двух регуляторов?

Александр Соломкин. Первый аспект цены — это содержание СРО. У нас работает 9 СРО, и стоимость участия конкурентоспособна, разница цен [на сервисы разных СРО] небольшая. Второй вопрос — это цена регулирования, штрафов. Рынок кредитной кооперации прекратился бы сразу, если бы к нему применили такие штрафы, как на рынке страхования.

Превентивный надзор без пересечения с ЦБ

Василий Заблоцкий. Надзор — это часть, которая стала для СРО очень важной. Действительно, это дополнительная нагрузка, возможно, какие-то дополнительные расходы. Однако сами участники говорят также о том, что есть случаи, которые противоречат рыночным практикам; они хотели бы, чтобы эти случаи регулировались. Они могут регулироваться именно в СРО.

Контрольные функции представляются для НФА достаточно серьезным объемом работы, который делается нашими сотрудниками и требует много сил. Тот надзор, который мы хотим сейчас пред-

ложить —должен снять эту массу работы. Мы разрабатываем сейчас анкеты, которые позволят нашим компаниям самим себя оценить. Вопросы разбиты по блокам в зависимости от типа лицензии. По результатам этой самооценки НФА будет определять, соответствует или нет организация тем рыночным практикам, которые сейчас действуют. В анкетах не будет стандартных вопросов. В зависимости от того, каким образом мы оценим результат анкетирования, это будет либо просто отчет, либо анкета будет рассматриваться дисциплинарным комитетом; далее [по результатам рассмотрения будут] приниматься меры воздействия.

Вторая часть, которую мы предлагаем —это анализ обращений для выявления проблемных участков, по сути —работа с жалобами. Жалобы можно обрабатывать, составлять по ним определенную статистику; накапливать ответы, способы реагирования на жалобы. Мы формируем отчеты, которые выявляют проблемные зоны, потому что жалобы могут повторяться с точки зрения [указания недочетов конкретного] продукта, канала продаж. Здесь мы предлагаем формировать некую аналитику, которая позволит предлагать либо изменения наших собственных стандартов, которые не покрывают проблемную зону, либо давать предложения ЦБ об изменении правил того надзора, который сейчас вводится. Если есть системная ошибка, ее нужно каким-то образом исправлять.

НФА разработала методику работы по жалобам и предложила ее посмотреть службе по защите прав потребителей регулятора. На этой базе можно создать единый стандарт для нашей отрасли. История с жалобами превратилась в положительный момент, по которому наши участники смогут понимать, как им меняться в лучшую сторону.

Третья часть —это репутация, это поведенческий надзор. Здесь мы разрабатываем систему контекстного анализа. Мы будем анализировать информацию, которая поступает из разных источни-

ков (это могут быть и социальные сети, и какие-то публикации), информация может иметь разный период. Самое важное для нас: чтобы все сюжеты, которые появляются в информационной среде о наших участниках, мы анализировали. Чтобы мы понимали, где что происходит, выявляя проблемные зоны. Потому что если есть проблемная зона —это либо проблема стандарта, либо проблема участника. Дальше СРО может выстраивать модели, строить проблемные рейтинги. Сразу хочу сказать, что рейтинги —это наша «внутренняя» часть, которая официально не публикуется, если участник этого не хочет.

Это история про то, как банк или участник должен становиться лучше.

Результатом реализации этих трех направлений нашей деятельности с точки зрения надзора будет некая табличка, в которую будет сведена вся информация по каждому клиенту, а далее эта информация будет проанализирована. Чтобы НФА понимала, есть ли повод принимать меры для решения проблем. Такая карточка будет заведена на каждого участника, в ней будет содержаться вся информация по анкетированию, по жалобам, по репутационным рискам. И на основании этой информации Банк России может составить рейтинг.

Самое главное в этой истории, что сейчас Банк России проводит надзор того, что случилось вчера. Мне кажется, основная цель и Банка России, и всех участников —это надзор за тем, что будет завтра. И мы уже получаем информацию от наших участников, что запрос на такой надзор есть.

Эта концепция была одобрена советом директоров НФА, и мы точно здесь не пересекаемся с надзором банка России. Мы пытаемся этот надзор представить не как комплекс карательных мероприятий, а как способ для НФА помочь своим членам стать лучше.

Алексей Тимофеев. Трудно стать лучше, если все равно придется накладывать штрафы...

Василий Заблоцкий. Да, если СРО выявляет тех участников, которые не хотят работать по-рыночному, у нее нет другого выхода, как штрафовать. Один из способов наказания — вообще исключение из СРО. Если банки или участники не становятся лучше, причем принципиально не становятся, если они уходят в «красную» зону, то к ним следует применять меры воздействия вплоть до выхода из профильного СРО.

Алексей Тимофеев. Отсутствие доказательств наличия чего-то — не всегда является доказательством его отсутствия. НАУФОР вот постоянно дискутирует с ЦБ РФ о том, что означает предварительный надзор. В презентации Василия Заблоцкого (если я ее правильно понял) я увидел, что идея превентивного надзора основана на самоанкетировании. Все остальное —жалобы и т.д. —это уже реактивный надзор. Самоанкетирование — отличная идея, ее нужно попробовать. Но я не очень понял саму идею, в том числе, алгоритм формирования вопросов. Василий, приведите, пожалуйста, пример такого вопроса, на основании которого СРО бы сделало вывод наперед о рисках, которые могут реализоваться в данной конкретной компании.

Василий Заблоцкий. Думаю, мы покажем все материалы, когда уже подготовим их полностью. Сейчас не хотелось бы показывать отдельные вопросы, потому что они могут меняться. Но в данном случае, нас будет интересовать деятельность по каждому направлению нашего профучастника, соответствие их внутренних документов базовым и стандартам СРО. Эту анкету будет подписывать контролер и первое лицо. НФА будет относиться к этой анкете так же, как к отчетности, которая сдается в ЦБ. Если при проверке обнаружится несоответствие, то здесь уже возникают проблемы с ЦБ. Это вопрос соответствия деловой практики и документов компании тем стандартам, которые действуют либо в СРО, либо в ЦБ.

Алексей Тимофеев. Превентивный ли это надзор? Я вот думаю, что превентивным надзором можно назвать некое согласование правил, регламентов, которые регулируют отношения между клиентом и компанией. Потому что этими правилами, типовыми договорами задается схема юридических взаимоотношений — и она должна быть корректна изначально. **Василий Заблоцкий.** Можно приехать с проверкой, проверить эти правила, а можно провести анкетирование. Вопрос состоит в том, в какой процедуре тратится больше времени и усилий; насколько процедура сложна для участника. Когда десятки документов сгружаются участником [в аппарат регулятора] для контроля — это одна история, а когда они сами себя контролируют — это другая история.

Алексей Тимофеев. Хорошо. Игорь Юрьевич, что вы думаете по этому поводу?

Игорь Юргенс. Мне кажется, это — светлое будущее, когда проводится анкетирование, люди абсолютно честно отвечают на абсолютно жестко поставленный вопрос, и можно это поверить. У страховщиков это по-другому делается: сначала происходит ежемесячный анализ показателей деятельности, затем ежеквартальный расчет коэффициентов финансовой устойчивости — сколько собрали, сколько выплатили, сколько отправили в компенсационный фонд. И далее — расчет группы риска. Если компания находится в четвертой (самой рискованной) группе риска, ей просто не дают полисов ОСАГО, она не может полноценно вести свою деятельность, пока не выправится. Один из важнейших критериев — это жалобы населения. Если количество жалоб растет, показатель продажи полисов растет, отчисления в компенсационный фонд падают, показатели негативны — то [назначается] выездная проверка, камеральная проверка, дисциплинарное оздоровление путем материального нажима и — введение временной администрации.

Более или менее это повторяет практику ЦБ.

Лариса Селюткина. Но здесь имеет место дублирование: за финансовую устойчивость наказывает и СРО, и ЦБ. В предложении Василия Заблоцкого есть определенное разумное звено, здесь СРО занимает такую нишу, чтобы не дублировать. ЦБ сейчас автоматически обрабатывает отчетность, и мы на это тратим большие средства, а вот с превентивным надзором сейчас не очень хорошо, для поведенческого надзора применяющихся мер недостаточно. Если СРО найдет в этом процессе свою нишу, чтобы не дублировать функции и не нагружать поднадзорного два раза, — в этих действиях несомненно будет определенная разумность.

Может быть, стандарты надзора должно разработать СРО? Сейчас ЦБ пытается выработать межсекторальные стандарты надзора. [В практиках различных категорий участников рынка] есть что-то общее, есть что-то разное. Стандарты для «разного» будет устанавливать профильный департамент. Но есть какие-то общие подходы, — например, вполне возможно анкетировать устройство системы управления рисками или системы внутреннего контроля. А потом через эти вещи можно будет видеть, насколько хорошо в поднадзорной организации контролер отслеживает требования по выполнению законодательства.

Алексей Тимофеев. Хочу заметить, что касается финансовой стабильности, то мы продолжаем спорить — чье это дело, должно ли это быть делом СРО. Может быть не сейчас, но впоследствии это может стать делом СРО.

Что касается поведенческого надзора — я так же верю в реакцию на жалобы, как в самый эффективный механизм борьбы с недобросовестными практиками. А если анкету назвать отчетом, то не выйдет ли то же самое, что уже делается, если в отчетности будет описываться система управления

рисками? Мы спорим об этом, но в этом нет большой новизны. Сейчас мы делимся тем, как каждая СРО спорит об этом с регулятором. А в целом мы — каждый своими словами — называем почти одно и то же. Я не увидел разногласий между тем, что сказал Игорь Юрьевич, Василий и Лариса Константиновна.

Надзор со стороны СРО не должен стать формальным

Иван Козлов. Практика анкетирования довольно широко применяется на развитых рынках, и самооценка позволяет руководству организации подумать над тем, что происходит у них в компании. И важны последствия предоставления недостоверных данных в ходе самооценки. В США, если руководитель подписался под недостоверными данными, выявленными в ходе проверки со стороны регулятора или СРО, то он считается не контролирующим в должной мере ситуацией; к такой организации может быть применено требование о замене руководителя.

Саморегулирование — это не только лоббирование и участие в нормотворчестве, это также контроль и надзор. В рамках диалога с представителями СРО мы слышим пожелания, чтобы в сторону СРО передавался больший объем контрольных и надзорных полномочий. Эти пожелания основаны, в том числе, на необходимости устранения двойной нагрузки, чтобы провести водораздел между надзорными полномочиями регулятора и СРО.

Если какой-то участник демонстрирует недобросовестные поведенческие практики, это подрывает доверие к сектору рынка в целом. Когда мы говорим о контрольно-надзорных полномочиях, то вступление организации в СРО не должно восприниматься как платная индульгенция от последствий возможных нарушений. Я бы хотел отметить, что формальный подход к осуществлению контроля является неприемлемым для Банка России. Тем СРО, где к контролю подходят

формально, осуществляют видимость такого контроля, не будет места на финансовом рынке.

Контроль и надзор в СРО — это дорого и требует существенных затрат, в том числе, на привлечение высокопрофессиональных кадров, на постоянное совершенствование компетенции, на организационные расходы, в том числе, и по выездным проверкам. СРО и их члены должны быть готовы к соответствующей финансовой нагрузке на организацию должной контрольной среды.

Куда сейчас саморегулирование может двигаться — это как раз отладка нормальных контрольно-надзорных полномочий. Во-первых, утверждаются базовые стандарты. Но, помимо них, СРО разрабатывают и внутренние стандарты, — дополнительные, обязательные для членов данной СРО. И мы будем смотреть, какова широта покрытия этих внутренних стандартов, насколько качественно они будут соблюдаться и насколько налажен будет контроль за их соблюдением, чтобы он не был формальным.

По итогам этого процесса можно будет рассуждать о том, больше или меньше полномочий можно передавать СРО.

Алексей Тимофеев. Я согласен с каждым словом Ивана Козлова, сказанным о надзоре. Потому что далеко не все СРО могут справиться с этой функцией, и я полностью разделяю те опасения, которые высказываются регулятором. Только крупные СРО смогут выполнять надзорные полномочия. Хочу теперь обсудить вопрос, что дает конкуренция между СРО.

Алексей Охлопков. За полтора года мало что поменялось, основная задача — лоббирование. Я посмотрел западную практику — мировой опыт очень неоднозначен. Есть страны, которые отказались от саморегулирования, где СРО не осуществляют надзор. СРО эффективны там, где они хорошо финансируются. РСА — это очень хороший

пример того, как организован надзор СРО. Но у Банка России все равно ресурсов больше.

В рамках СРО также возникают конфликты интересов, есть крупные участники, которые платят больше взносов, они пытаются диктовать свою позицию. Но если СРО устоявшееся, если рынок зрелый, то как правило, удастся договариваться. Закончу на вопросе Алексея. То, что на пенсионном рынке есть две СРО — это тоже проблема. Потому что было несколько примеров, по сути, регуляторного арбитража. Когда мы в рамках своей ассоциации вызываем сотрудников компании на дисциплинарный комитет и предъявляем какие-то претензии, а нам говорят: ребята, если вы будете очень жесткими, мы уйдем в другую СРО. И такой регуляторный арбитраж — это проблема, которая будет осложнять реализацию самой идеи саморегулирования.

Но, возвращаясь к примеру РСА, надо отдать должное — она все делает намного быстрее, чем Банк России. Собираются лучшие силы с рынка, обсуждают идею, предлагают, и потом Банк России ее принимает или не принимает.

Алексей Тимофеев. Мне кажется очень точным и правильным выступление, которое говорит о внутренних проблемах саморегулирования. Сразу согласусь — полноценные саморегулируемые организации (по модели которых, кстати, построено наше законодательство) имеют всего несколько стран.

Возвращаясь к вопросу, способны ли СРО осуществлять надзор на уровне ЦБ — я думаю, этого и не надо делать. Во-первых, институционализация займет некоторое время, во-вторых, мы сами определяем предмет нашего надзора — это наши кодексы, это наши стандарты. Вы же нас не просите проверять соблюдение нормативных актов.

По мере роста наших надзорных ресурсов, нашей способности осу-

ществлять надзор — мы можем расширять наш свод правил. В случае с НАУФОР уже шесть ее стандартов являются обязательными для всех членов НАУФОР. Мы сейчас и надзираем за их соблюдением, наших ресурсов для надзора за этими стандартами достаточно.

Алексей Охлопков. Иван правильно сказал: нужно знать, где проходит водораздел между ЦБ и СРО. В концепции выстраивания поведенческого надзора, мне кажется, превалирующее значение будут играть саморегулируемые ассоциации. Инспекция Банка России предназначена для выявления системных рисков.

Немного о мотивированном суждении

Алексей Тимофеев. Я бы хотел поговорить еще об одной важной теме: ЦБ чем дальше, тем больше рассуждает о мотивированном суждении. таковое основано на очень абстрактных принципах «лучшего исполнения». Это значит, что и регулирование ЦБ РФ будет все более основано на принципах «бест экзекьюшн». Мы всегда считали, что в России лучшим источником такого регулирования являются СРО, потому что от государственных органов мы ждем максимальной юридической определенности... Думаю, что водораздел нам понадобится, потому что дело будет уже не только в стиле регулирования (которое, полагаю, у СРО будет более мотивированным, нежели у регулятора). А если они будут одинаковыми, то понадобится проводить границу полномочий между зонами ответственности регулятора и саморегулируемой организации.

Как вы думаете — остается ли место для саморегулирования в случае реализации концепции «принципал бест» в нормативных документах?

Лариса Селюткина. Центральный банк только начинает вырабатывать походы к регулированию, основанные на принци-

пах. Первый акт, в котором такой подход уже начинает закладываться — это нормативный акт по доверительному управлению. И эта практика будет нарабатываться не очень быстро.

Мне сложно определить формат установления пруденциальных нормативов со стороны СРО — эта функция должна остаться за ЦБ. Мое мнение таково, что оценка финансового состояния и финансовой устойчивости — это все-таки компетенция ЦБ РФ. У нас сейчас колоссальное количество ресурсов в это вкладывается — в отчетность, в аналитику, в каналы получения информации.

Толчком к этому стало получение статуса мегарегулятора, и Центральный банк понимает, что нужно, как минимум, унифицировать общие подходы. Автоматизация надзорных процессов, получения информации и ее обработки дает Банку России возможность сделать унифицированные правила для всех отраслей. У регулятора будет общий информационный хаб и мы не будем загружать отрасль дополнительными запросами.

Мне кажется, постепенно роль СРО должна сводиться к выработке правил поведения, лучших практик. Для случаев выявления недобросовестных практик, которые я сегодня озвучила, будут разрабатываться своего рода «учебные пособия», «кейс стади». И надо будет обсуждать с СРО, является конкретная практика добросовестной или недобросовестной.

Мы должны больше взаимодействовать, слышать друга и идти на компромисс. СРО будет, я считаю, тем координирующим органом, в котором разбор деловых практик в перспективе найдет свое место. А пруденциальный надзор, пруденциальное регулирование должно остаться в Центральном Банке.

Иван Козлов. Возможности реализации саморегулируемыми организациями своих полномочий в условиях введения мотивированного суждения, безусловно, будут. Сейчас законодательно на-

блюдаются два тренда: это, во-первых, введение пропорционального надзора в системе Банка России, в соответствии с которым будет вестись более плотный надзор за крупными, системно значимыми участниками, и применяться меньше надзорных полномочий по отношению к небольшим участникам рынка. С другой стороны, вводится сплошное членство организаций, работающих на финансовом рынке, в СРО. Вот здесь СРО могут проявить себя и (точно так же, как Банк России) высказывать мотивированное суждение в отношении своих членов.

А Центральный банк будет действовать в рамках постконтроля. В том виде, как он у нас реализован, например, на сегменте кредитной кооперации, микрофинансирования, где за маленькими участниками контроль осуществляет СРО, а регулятор смотрит за осуществлением этих функций. Если регулятор видит риски, видит признаки нарушения, то может поправить — и участника, и СРО, которая на это смотрит сквозь пальцы.

Василий Заблоцкий. Мы видим, что отсутствие мотивированного суждения заполняется решениями судей. Нам без мотивированного суждения не обойтись, и это должно быть мотивированное суждение именно СРО.

Алексей Тимофеев. Я думал, что у ЦБ мотивированное суждение может быть, а может и не быть. Но я не сомневался в том, что у СРО точно должно быть мотивированное суждение.

Александр Охлопков. Безусловно, на уровне СРО, где сами участники рынка вырабатывают определенные правила, есть место мотивированному суждению для принятия тех или иных решений.

Игорь Юргенс. Из опыта страхового сообщества могу сказать, что у нас было применено мотивированное суждение по компаниям РСТК и «Россия», которые унесли потом 4 млрд рублей из компенсационных фондов. Мы говорили Центральному банку, а до этого еще и страхнадзору, что в компаниях не все хо-

рошо. Это было наше мотивированное суждение. Но сработал принцип «ту биг ту фейл», компаниями долго занимались, акционеры долго доказывали что-то через суды. Банкротство наступило до того, как наше мотивированное суждение сработало.

Чтобы организовать работу рынка «по принципам, а не по целям», предстоит преодолеть огромные трудности. И общество, в котором мы живем, пока к этому не готово. Но идти туда надо.

И про нелегалов финансового рынка

Лариса Селютина. Коллеги просили меня передать нашему круглому столу, что хотели бы видеть у СРО еще одну надзорную функцию — подключение к борьбе с нелегальными участниками финансового рынка. Это очень важно. Я говорю о «черных» кредиторах на рынке микрофинансирования, о нелегальных форекс-дилерах, которые не подчиняются регулированию и, конечно, имеют преимущества — в отличии от участников финансового рынка, которые лицензируемы и надзираемы ЦБ.

Это наиболее актуальная проблема для форекс-дилеров, они только выходят на рынок в качестве легальных участников, вокруг них очень много нелегальных компаний и они не уступают свою долю рынка. Здесь роль саморегулирования тоже очень велика. СРО должны тоже активно выявлять этих нелегальных участников, которые иногда даже действуют под маркой легальных, слегка изменяя название известных участников и вводя этим в заблуждение инвесторов и клиентов. И надо сообщать такую информацию и регулятору, и правоохранительным органам. Думаю, это тоже может стать одним из направлений деятельности СРО, поскольку относится к области защиты интересов компаний-участников. □